
1891

1891 год.

11 января. Давно ничего не писала. Новый год приходится начинать записью печальной: Вас[илий] Гр[игорьевич] Пустошкин умирает; в понедельник (7-го) приехала Надя, несмотря на запрещение отца; он ее узнал. Сегодня я была у них, и доктор мне сказал, что уже началась агония.

И Ниночка, и Верочка что-то сегодня скучали; я вообще очень боюсь этих чисел января: в [18]89 году 14-го Верочка заболела рожей, а в [18]90-м 12-го я пригласила к Ниночке Борхсениуса, но все оказалось пустяками.

Вас[илий] Гр[игорьевич] Дружинин был у нас сегодня по ошибке: вообразил, что сегодня Ниночкины именины¹. Он сообщил, что Кондаков подал в отставку из Археол[огической] комиссии²: его и Толстого выжил оттуда член комиссии Тизенгаузен, точно так же как они выжили из Академии худ[ожеств]³ Бобринского. Вот интриги!

В настоящую минуту С.Ф. переписывает свой отчет о трудах Семейского (В[асилия] И[вановича]), написанный им по поручению Аничкова (конфиденциальному)⁴. По этому поводу Майков сказал Сереже: если об этом узнают люди либеральных кружков, вы навсегда погибли в их мнении; и без того мальчишки кричат, что вы отличаетесь консерватизмом. Интересно было бы¹ знать, кто эти мальчишки. А я все при этом вспоминаю Никитенко; по моему, гораздо почтеннее честно и по совести действовать в министерстве, чем умывать руки⁵.

Интересные вещи сообщил Сереже Васильевский о Гревсе: на будущность (ученую) Гревса он смотрит довольно безнадежно: Бубнов скоро будет доктором и приват-доцентом, он заявил себя хорошим лектором на курсах, а Гревс пока за себя ничего не имеет. Вас[ильевск]ий желал бы, чтобы он еще на год остался за границей, но, по словам Ольденбурга, он скоро вернется, потому что его женаⁱⁱ скучает за границей: по идее она не может жить без уроков, благодаря которым, вероятно, она и хворала.

¹ Текст (если об этом узнают люди либеральных кружков, вы навсегда погибли в их мнении; и без того мальчишки кричат, что вы отличаетесь консерватизмом) выделен карандашной линией на полях.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто по идее.

Недавно был у нас С[емен] Ос[ипович] Долгов, библиотекарь Румянцевского музея⁶. Он говорит, что Милкоков прежде был симпатичнее: теперь он знает себе цену и держит себя с тоном.

Московский молодой ученый Шахматов берет место земского начальника в Саратовской губ[ернии]: он собирается жениться, средств у него нет, а университет его не обеспечивает⁷. Долгов уверен, что он и в Саратове напишет диссертацию, но все-таки это очень грустный факт.

13 января. 11-го в пятницу скончался Вас[илий] Гр[игорьевич] Пустошкин; я уехала от них за полчаса до его смерти. Сегодня его отпевали и повезли в Москву. Удивительно, до какой степени он распорядился обо всех мелочах, касающихся его погребения. Ефр[ема] Вас[ильевича] еще нет; может быть, он проедет прямо в Москву.

Вчера С.Ф. был у Ернштедта, нового редактора классического отдела в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]». Разговор о Холодняке: по мнению Ерн[штедта], Х[олодня]к поглупел, опошлел и стал малопорядочным человеком со времени поездки за границу и женитьбы; Ерн[штедт] склонен приписывать это влиянию тещи и жены⁸. С.Ф. был затем на панихиде у Пуст[ошкины]х, а потом пошел к Замысл[овски]м; Ег[ор] Ег[орович] плох. М[ада]ме очень благодарила Сережу за внимательное отношение к ним.

Вчера в симфоническом слышала Мравину; она мне очень понравилась. Удивительно действует на человека близость смерти: обо многом пере-думаешь, и многое кажется таким ничтожным.

А интересно будет узнать завещание Вас[илия] Гр[игорьевича]: мне все кажется, что в нем заключается какая-нибудь каверза для Ефр[ема] Вас[ильевича].

24 января. Вчера были у¹

20 января. Сейчас прочла в «Русск[ом] обозрении» (декабрь [18]90 года) статью де-Вогюз о «Крейцеровой сонате»⁹; она меня очень поразила, то есть некоторые строки: мне никогда это не приходило в голову: в «Крейц[еровой] сон[ате]» и других современных произведениях он видит проявление аскетического атавизма, духа древних монастырей, который снова восстает против ига материи. «Молодежь, к[ото]рая, казалось бы, должна стоять за жизнь, все более и более проникается этими учениями. Весьма возможно, весьма вероятно, что нравственный кризис наших старых рас в следующем веке будет characterized резкою реакцией духа против материи, аскетизма против цивилизации. Теперь это реакция чисто философическая, но все исторические прецеденты позволяют думать, что она расширяет почву для какого-нибудь великого религиозного воссоздания. Излишек цивилизации и исключительная погоня за материальными благами неизбежно вызывают противоположную крайность, безумие отречения и стремление к ничтожеству. Б[ыть] может, мы будем свидетелями минутного торжества этих стремлений, прежде чем они будут снова затоплены неудержимой волной жизни» (523–[52]4).

24 января. Вчера были у меня Надя и Даша П[устошкины]. Надя завтра едет в Берн. Тат[ьяна] Вл[адимировна] переедет сюда через месяц. Вас[илий] Гр[игорьевич] оставил ей все в пожизненное владение. Ефр[ем] Вас[ильевич] едет в Давыдовку.

¹ Для записей оставлено 3 строки.

Вчера было заседание Ист[орического] общества (доклады Середонина и Шафранова)¹⁰. Мы там не были. Степанов говорит, что народу было мало, курсисток совсем не было, не так, как в прошлом году.

Сегодня С.Ф. узнал от Майкова и Вас[ильевско]го, что книга Лаппо-Дан[илевско]го, представленная им на Уваровскую премию, отдана на рецензирование Милюкову¹¹.

Сегодня из газет мы узнали о смерти Трифонова, преподавателя Петровского уч[илища], совсем молодого человека¹²; говорят, он умер от разрыва сердца, вызванного сильнейшим развитием сифилиса; 1½ года тому назад он женился, считая себя вылечившимся.

29 января. Вчера разъяснилось, почему департамент нар[одного] просв[ещения] потребовал от Сережи отчета о трудах В[асилия] И[вановича] Семевского: последний просил мин[истра] внутр[енних] дел о допущении его к занятиям в каком-то архиве (вероятно, государственном). Министерство обратилось к Делянову с запросом, желательно ли подобное допущение. Тот постановил резолюцию: нет, не желательно, просить у профессора Платонова отчета о трудах Сем[евского]го. Вероятно, Делянов¹ сам нуждался в этом отчете, чтобы иметь точку опоры, но резолюция его о недопущении С[емевского] в архив состоялась раньше получения отчета.

Третьего дня был у нас Степанов и рассказал интересные вещи о Карееве, который как-то был у него и говорил: не понимаю, почему С.Ф. так сторонится от меня; я погорячился, он погорячился, но все это давно пора забыть¹³. Вот наивность!

Между прочим, Кареев просил Сережу написать для следующего выпуска «Истор[ического] обозрения» рецензию о книге (III т[ом] «Истории») Иловайского, и Сережа обещал; в настоящую минуту Сережа пишет об этой книге в «Журн[ал] Мин[истерства] народного просвещения»¹⁴.

Сегодня курсистки опять ходили в Эрмитаж и слушали объяснения Кондакова¹⁵. У Сережи бы интересный разговор с Кулиным о Введенском по поводу курсового вечера, когда Вв[еденский] так заговорился с Пушкиревой, что забыл о своем намерении идти ужинать с Бубновым и Шляпкиным. Кулин объяснил, не называя имени П[ушкаре]вой: да, он заговорился, но больше не заговорится – и несколько раз повторил это с особенным ударением.

В воскресенье 27-го Анненский должен был уехать в Киев¹⁶; говорят, делались грандиозные приготовления к проводам, вроде шампанского на 300 рублей. Я все никак не соберусь к M[ada]me Анненской.

Вчера Ученый ком[ите]т, на основании отчета Васильевского, постановил одобрить Колин перевод Пельмана для гимназических библиотек¹⁷.

Вчера получила письмо от Сони¹⁸: она устроилась в Москве в каком-то немецком семействе, где за стол и квартиру должна заниматься с мальчиком и девочкой русск[им] яз[ыком]. Занятий мало, весь день она свободна, так что имеет полную возможность взять еще уроки.

Сегодня Сережа получил письмо от Дьяконова: последнему предлагают кафедру в Одессе на место Леонтовича, выбывающего за выслугой лет.

¹ Текст (к занятиям в каком-то архиве (вероятно, государственном). Министерство обратилось к Делянову с запросом, желательно ли подобное допущение. Тот постановил резолюцию: нет, не желательно, просить у профессора Платонова отчета о трудах Сем[евского]го) выделен карандашной чертой на правом поле.

Дьяк[оно]в колеблется и спрашивает у Сережи совета. У Дьяк[оновы]х все это время хворали дети: у Саши был катаральный бронхит, сильно их напугавший¹⁹.

Никак мне не удается начать занятия с Надиной няней Таней, которой очень хочется выучиться читать. Но я должна ее выучить, или я совсем приду в уныние.

Верочка страшно капризничает все это время, а Ниночка и Надя (особенно последняя) очень милы.

Интересно, что Холодняк постоянно систематически дразнит Сережу Лаппо-Данилевским, изрекая, например, такие фразы: что ж, что в университете 5 человек читают русск[ую] историю; другое дело, если бы было пять Лаппо-Дан[илевски]х. Кулин рассказал Сереже, что он, еще неⁱ будучи назначен директором курсов, уже получил от Холодняка прошение о назначении его преподавателем лат[инского]ⁱⁱ яз[ыка] на курсах.

22-го была вступительная лекция Чечулина; по общим отзывам, лекция была очень слаба, состояла из общих мест и не имела успеха²⁰. Но интересно, что сам он всем доволен. Удивительный человек!

Какой нечистоплотный человек Иловайский в нравственном и научном отношениях!²¹

31 января. Вчера были именины Васильевского; С.Ф. был там на обеде; Ернштедт бранил Холодняка: до поездки за границу он был многообещающим молодым человеком, а после поездки превратился в какого-тоⁱⁱⁱ Gelehrter'a^{iv, v} и по-немецки третьего сорта, а по-русски попросту в тупицу. Помяловский поддерживал Ерн[штедта]: Холодняк и Кареев люди ejusdem farinae^{vi}: как Кареев всякое лыко ставит в строку (по поводу типографской ошибки в написании лекций), так и Х[олодня]к.

Вечером были у нас гости; Боцяновский переходит из Фил[ологическо]го инст[иту]та в университет²².

Днем у нас была M[ada]me Замысловская: ее сына Колю в субботу 26-го сильно расшибли на катке, так что его с городовым отправили в приемный покой для перевязки, а потом домой.

Сегодня Васильевский говорил с С.Ф. о том, что нужно кого-нибудь из русск[их] историков рекомендовать в Дерпт, где Брикнер выслуживает 30 лет²³. С.Ф. назвал Милюкова, но у Вас[ильевско]го, который уже писал в Дерпт, есть какая-то другая комбинация, о которой он пока не говорит. С.Ф. думает, что он назвал Шмурло.

Милюков хочет принять книгу Л[а]п[по-]Дан[илевско]го для рецензирования и задержать печатание своей диссертации²⁴.

Вчера Коркунов опять говорил с С.Ф. о том, кому передать лекции русск[ой] ист[ории] в лицее (Шмурло).

5 февраля. Вчера было в университете заседание Совета в первый раз со времени назначения ректором Никитина. Последний никакой речи не сказал,

ⁱ Далее зачеркнуто получив на.

ⁱⁱ Слово лат. исправлено вверх русск.

ⁱⁱⁱ Далее зачеркнуто нем.

^{iv} Ученый (нем.).

^v Далее зачеркнуто и то.

^{vi} Из одной и той же муки (лат.).

и вообще заседание было скучное²⁵. После заседания ректор пригласил к себе всех на чашку чаю, пошли хотя не все, но без демонстрации, народу было довольно много. На Совете отсутствовал естественный факультет, за исключением 3 человек; это было довольно демонстративно. У С.Ф. разговор с Бершадским о Латкине и Дьяконове; магистерская диссертация Латкина была плоха, а докторская ниже всякой критики²⁶; особенно плохо не то, что в ней много недостатков, а то, что в ней ни ума, ни сердца, а это значит пропашее дело. По мнению Берш[адского], Сергеевич в сущности гораздо лучший человек, чем этого можно ожидать по его внешним манерам, и к Дьяконову он относился лучше, чем С.Ф. думает: давая факультету отчет о книге Дьяк[онова], Сергеевич выразился о ней: это горячее искание истины; по мнению Берш[адского], это свидетельствует, что Серг[еевич] не относился к Дьяконову с презрением²⁷.

Третьего дня С.Ф. получил от Коховского официальное предложение читать в будущем учебном году в Соляном Городке публичные лекции по русск[ой] истории. Когда С.Ф. заговорил об этом с Помяловским, последний сказал ему, что так как в комитете при Соляном Городке членом состоит, между прочим, Трачевский, который во мнении министра совсем пропаший человек, то читать там публичные лекции «не православно» (то есть с точки зрения министерства). С.Ф., конечно, не будет руководиться этим соображением. Он еще не дал согласия, п[отому] ч[то] состав комитета ему кажется очень плохим. Если он будет читать, то о «состоянии русского общества перед реформой Петра В[еликого]»²⁸.

Вчера я была у Стасовой; они переехали на другую, более дешевую квартиру, так как сильно пострадали, не знаю, каким образом, в денежном отношении в этом году. Она мне рассказала, что при их Обществе вспомощ[ествования] Высш[им] ж[енским] курсам образовалось бюро для сбора пожертвований на памятник¹ С[офьи] В[асильевне] Ковалевской, профессору математики в Стокгольме²⁹, умершей недавно от воспаления легких. После нее осталась 12-летняя дочь без всяких средств. Вел[икий] князь Константин Конст[антинович], говорят, просил Деянова определить ее в институт, но Стасова думает, что это не соответствует желанию покойной. Стасова мечтает о том, чтобы перевезти тело Ковалевской в Россию³⁰.

Георгиевский и Высшие ж[енские] курсы

Книга Бильбасова

Дуэль Лом[аносова] и кн[язя] Вадб[ольского]^{30а}

14 февраля. 7-го был на курсах вечер; курсистки все расспрашивали меня, как я вышла замуж. 8-го мы смотрели в Михайловском театре «Татьяну Репину»³¹ с Ермоловой; Ерм[олова] была прелестна. В этот же день был обед русских историков у Дюна; Лаппо-Данилевский не был, как он потом говорил Сереже, что отдал в тот день свое пальто в починку портному. Основательная причина! После этого обеда Чечулин, Середонин, Бубнов, Шляпкин и Шмурло взяли тройку и ездили в Озерки, причем достаточно выпили, особенно Шмурло. Потом Майков, расспрашивая об этом С.Ф., рассказывал Сереже, что они (он, Замысловский, П[етр] Полевой и др.) выделяли в свое время: во время празднования магистерского диспута З[амысловско]го³² устроили кулачный бой,

¹ Далее зачеркнуто М.

по инициативе Полевого, к[ото]рый уверял, что это очень интересная забава, и разбила друг друга в кровь, затем ходили по очереди объясняться в любви квартирной хозяйке З[амысловско]го, затем возвращались домой пешком, причем кто-то улегся отдыхать в колоду³³. Вот в то-то время З[амысловск]ий, по словам Майкова, и допрыгался до сифилиса, который является причиной его настоящей болезни.

13-го в Истор[ическом] обществе; заседание было в XI аудитории, но народу набралось так много, что мест не хватило, целая толпа стояла. Вероятно, всему виной был доклад С.Ф. о книге Иловайского³⁴, которая в последнее время, благодаря газетной полемике Илов[айско]го с Безобразовым и Сторожевым, наделала столько шуму³⁵. Итак, жребий брошен: С.Ф. прочел резкий и неодобрительный отзыв о книге, к[ото]рый в более распространенном виде будет напечатан в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]». Зам[ысловск]ий уговаривает С.Ф. не печатать его, так как Ил[овайск]ий хорош с министром, к[ото]рый за эту рецензию может сделать редакции выговор, Зам[ысловск]ий даже думает, что государь будет недоволен этим. Васильевский вчера написал С.Ф., что говорил с министром о его рецензии и министр «ничего». «Новости» уже поместили во вчерашнем (15-го числа) № отчет в два столбца о Серезином докладе, а сегодня мы прочли в «Русск[их] вед[омостях]» телеграмму о нем³⁶. Ну, будет история!

На днях появилась в свете диссертация Шляпкина; по мнению Васильевского, она плоха, представляет собой труд чисто библиографический и ничего¹ не освещает.

Наша бедная старушка няня с средыⁱⁱ (13ⁱⁱⁱ февраля) опять в лечебнице: Верочка ушибла ей ногу, и у нее сделалось флегмонозное воспаление мягких частей голени.

17 февраля. Все это время сижу дома; без старушки няни мне гораздо труднее управляться с детьми. Верочка очень капризничает, а Надя замечательно мила.

Вчера было факультетское заседание, но Незеленов не только не сделал доклада о диссертации Шляпкина, но даже совсем не явился в заседание³⁷.

18 февраля. Вчера С.Ф. получил письмо от Сторожева, к[ото]рый просит выслать ему как можно скорее оттиск Серезиной рецензии на книгу Иловайского и пишет, что собирается отвечать Ил[овайско]му, посоветовавшись предварительно с Миллюковым³⁸. Интересно, что вчера мы получили февр[альскую] книжку «Русск[ой] мысли» и там нет отчета о книге Ил[овайско]го: как это следует объяснять, недосугом Миллюкова или его осторожностью?³⁹

Вечером у Васильевских, где узнали, что министр запретил Трачевскому читать в университете после первой его лекции; причины запрещения никто не знает, думают, что виновата в этом университетская инспекция, донесшая, к[а]к предполагают, что студенты на вступительной лекции Трачевского вели себя демонстративно⁴⁰.

Вас[ильевск]ий в разговоре с Серезей очень симпатично отзывался о кружке русск[их] историков: ему было очень приятно посидеть с таким славным

ⁱ Далее зачеркнуто нового не дает.

ⁱⁱ Слово среды написано поверх зачеркнутого вторника.

ⁱⁱⁱ Цифра 3 написана поверх 2.

кружком 8-го на обеде. Еще Вас[ильевский] сообщил С.Ф. под величайшим секретом, что теперь в самом разгаре хлопоты о том, чтобы кафедра русск[ой] истории в Дерпте досталась Шмурло⁴¹. С.Ф. недавно слышал от пр[иват]-доцента Одесского университета Яковлева, что скоро освободится кафедра Перетятковича в Одессе и Антоновича в Киеве⁴², но Вас[ильевск]ий говорит, что послать Шмурло в Киев нельзя: министр и так спрашивал, не католик ли он. С.Ф. думает, что туда могут послать Лаппо-Данилевского. По словам Вас[ильевско]го, министр, не открывая своих карт, требует, чтобы Шмурло подал прошение не в Дерпт, а ему, и не о Дерптской кафедре, а вообще о первой свободной кафедре русск[ой] истории. Вас[ильевск]ий говорит, что если бы С.Ф. не был занят здесь, его послали бы в Киев, «п[отому] ч[то] там нужно сразу дело поставить серьезно».

28 февраля. Вчера С.Ф. получил письмо от Милюкова в ответ на сделанное ему С.Ф.-чем от имени администрации лицея предложение взять в лицее все уроки (Е[вгению] А[лександровичу] Белову хотят во всяком случае дать пенсию, устранив его от уроков) и лекции, всего на 1800ⁱ рублей, а С.Ф. тогда передаст ему на курсах 5 лекций, оставив себе 2; итого Милюков может получить сразу 2800 рублей; он колеблется, и это меня удивляет: я думала, что кафедра в Моск[овском] университете, хотя бы и в будущем и неⁱⁱ наверно, в силу дурныхⁱⁱⁱ отношений Милюкова с Ключевским, – такой магнит, который не позволяет думать ни о какой другой кафедре. Мил[юк]ов хочет посоветоваться с П[авлом] Г[авриловичем] Виноградовым, который теперь в Париже⁴³.

Вчера был у нас Шмурло, которому С.Ф. рассказал о лицее и М[илюко]ве и прямо сказал, что его (Шмурло) шансы в лицее плохи. Шмурло же рассказал, что подал министру прошение насчет кафедры в Дерпте. Я рада, что они вскрыли друг другу свои карты: так неприятны эти вечные секреты.

На днях застрелился флигель-адъютант Кауфман 27 л[ет]⁴⁴, оставив 70-летнюю мать, с к[ото]рой вдвоем жил. Причина самоубийства такова: гвардеец Толстой назвал армейца Дворжицкого армейщиной, произошло крупное объяснение, Толстой дал Дворжицкому пощечину и убежал, а Д[вор]ж[ицк]ий приколотил Кауфмана; затем два последние помирились и дали друг другу слово не разглашать этой истории, но Дв[оржицк]ий слова не сдержал и разгласил историю, вследствие чего Кауфману на придворном балу Оболенский (?) сделал замечание, что после такой истории ему следовало подождать являться на бал; К[ауфма]н застрелился, а Дв[оржицк]ий вчера должен был стреляться с Толстым.

Розничная продажа «Нового времени» запрещена⁴⁵ за фельетон Буренина, в к[ото]ром он пародирует дело об убийстве Висновской (варшавской актрисы) гусаром Бартеневым⁴⁶. Говорят, все гусарство возмущено этим фельетоном, обиделись Воронцов-Дашков, гр[аф] Олсуфьев и др. Говорят, будто варшавские гусары посылают в Петербург депутацию с специальной целью поколотить Буренина. То же собираются сделать и здешние гусары. Сегодня «Новое время» даже что-то об этом упоминает⁴⁷.

ⁱ Далее зачеркнуто или.

ⁱⁱ Исправлено с на.

ⁱⁱⁱ Слово дурных написано на правом поле.

Вчера был сумасшедший день: после завтрака я ездила с детьми на Царицын луг⁴⁸, едва успела вернуться, как явились Бианки, к[ото]рые обедали у нас; вечером собралось много народу, между прочим, М[ада]ме Борхсениус и С[офия] Ф[едоровна] Бом.

17 марта. Сегодня был диспут Шляпкина. По-моему, диспут был не блестящий, но С.Ф. говорит, что все было гораздо лучше, чем он ожидал. Интересный был у меня перед диспутом разговор с Майковым, к[ото]рый утверждал, что Шляпкин в сущности не умен. Возражал первым Незеленов, который притащил на диспут целую грудку книг, но ни одной из них не раскрыл даже. Незел[ено]в старался быть ядовитым и, к удивлению, иногда успевал в этом. Затем говорил Соболевский – очень умно и надлежащим тоном, так что, по-моему, со стороны Шляпкина было очень глупо сказать ему по поводу одного возражения: «Вы делаете передержку». На что Соб[олевск]ий ему ответил: «Зачем употреблять такие выражения». Потом говорил Н[иколай] И[ванович] Барсов – говорил Бог знает что (по поводу того, что Шляпкин назвал Димитрия Ростовского мистиком). Тут Шляпкин так определил понятие мистицизма, что все ахнули. Вмешался Введенский и сказал, что, в сущности, мистицизм Бог его знает что значит, никто этого сказать не может. Последним говорил какой-то неизвестный господин, к[ото]рого Майков назвал «смирным, но бесконечным и опасным противником»⁴⁹. На диспуте было очень много народу; была и Марья Ивановна Шляпкина.

Сегодня мы наняли дачу – близ станции Бабино Николаевской ж[елезной] д[ороги] у Мартьяновой, сестры Инн[окентия] Феод[оровича] Анненского.

Недавно в университетском мире разыгралась некрасивая история: до Кареева дошли слухи, что Трачевский везде рассказывает, что ему, Тр[ачевско]му, запрещено чтение лекций благодаря проискам и доносу Кареева. Последний, пригласив с собой В[асилия] И[вановича] Семевского, отправился к Трачевскому за объяснением. Этот заявил, что он слышал от таковой роли Кареева в деле его, Тр[ачевско]го, из полуофициальных кругов. От Бильбасова Кареев узнал, что эту сплетню пустили и распространяют два достойные приват-доцента здешнего университета – Сенигов и Щукарев. Теперь Кареев старается дать всей этой истории возможно более широкую огласку и заявил о ней ректору, к[ото]рый, как оказывается, уже из других источников знал о некрасивой роли Сенигова¹ в этой истории.

20-го будет очередное заседание Истор[ическо]го общества⁵⁰, а 28-го – экстренное, в к[ото]ром В[ладимир] Н[иколаевич] Беркут (московский) прочтет реферат «о программе исторического курса в русских и некоторых заграничных гимназиях»⁵¹. Интересно, как встретится с Беркутом С.Ф.

А Миллюков все колеблется, к нашему удивлению; и Виноградов советует ему брать лицей и переезжать в Петербург⁵², а Вас[ильевск]ий думает, что этого ему делать не следует, что лучше взять кафедру в Одесском ун[иверсите]те, если мало надежды на кафедру в Москве, чем ехать сюда, где ун[иверсите]т в нем совершенно не нуждается, так как в нем много своих, вполне достойных людей⁵³.

Недавно появились «Очерки русской истории в картинах Верещагина», но С.Ф. оттиска от него не получил⁵⁴.ⁱ

ⁱ Притиска на полях (получил через несколько дней).

В пятницу, 15-го, мы с С.Ф. смотрели «Термидора»⁵⁵. Мне очень понравилось: так живо представляешь себе весь ужас террора и царства толпы. И я понимаю, что эту пьесу могли запретить во Франции: когда смотришь ее, невольно приходит в голову, что если все это было, то лучше пусть не будет ничего, что с ними связано¹.

Майков думает, что Соболевский, может быть, чем-нибудь испортил свою ученую репутацию в Москве, с к[ото]рой он теперь порвал почти всякие сношения: когда шел вопрос о замещении в Москве кафедры Тихонравова, Делянов, советуясь об этомⁱⁱ со многими и, между прочим, с Майковым, показывал последнему письмо Тихонр[аво]ва, касавшееся этого вопроса. Тих[онраво]в, указывая нескольких из своих учеников, достойных, по его мнению, занять его кафедру, ни одним словом не упомянул о Собо[левско]м, хотя последний, по выражению Майкова, «был уже на пути»⁵⁶.

Скорыходов подарил С.Ф-чу экземпляр II тома Бильбасова.

18 марта. Недавно Чечулин сообщил С.Ф-чу, что кем-то пущена сплетня, будто С.Ф. потому обрушился на Иловайского, что считал его своим соперником при решении вопроса о замещении в здешнем университете кафедры русской истории. Уж не сам ли Иловайский автор этой легенды?

А С.Ф. почти окончательно решил читать в будущем году в Соляном Городке публичные лекции. Интересный казус вышел недавно в заседании научного комитета в Сол[янном] Городке: М[ихаил] И[ванович] Семевский заговорил о том, что он слышал, что в будущем году намерен читать публичные лекции о Петре Великом почтенный Е[вгений] Фр[анцевич] Шмурло, хорошо известный ему, С[емевско]му, своими учеными трудами, а особенно своей статьей о Сильвестре Адашеве (?!)⁵⁷. После заседания и Кареев, и С.Ф. попросили у Шмурло отгиски этой статьи, о к[ото]рой они до сих пор ничего не слышали.

Вчера вечером ночьюⁱⁱⁱ С.Ф. возвращался от Шляпкина вместе с Собо[левски]м, к[ото]рый заявил С.Ф-чу, что он, Собо[левски]й, рассчитывает привлечь С.Ф. в качестве оппонента на диспуте Незеленова, к[ото]рый, в качестве докторской диссертации, думает-таки представить своего Пушкина⁵⁸. Поручить же оппонирование Шляпкину неудобно, при отношениях, существующих между Шл[япкины]м и Нез[еленовы]м. Но хорошо будет положение С.Ф-ча на диспуте: что, в самом деле, может он сказать о Пушкине?

7 апреля. Сегодня в Соляном Городке было заседание научного отдела. С.Ф. там узнал, что Шмурло изменил программу своего предполагаемого курса и хочет озаглавить его так: «Когда началась новая Россия?» Судя по программе, его курс будет тождествен с курсом С.Ф. Интересно, что Сенигов, без всякого приглашения из Соляного Городка, представил программу курса, к[ото]рый он может там прочесть; программа эта, говорят, верх глупости (что-то о сельском быте русского народа).

А Милюков, после долгих колебаний, решил наконец остаться в Москве; при этом для него выяснилось, что Ключевский относится к нему вовсе не так дурно, как ему казалось, и что вообще его положение в университете гораздо прочнее, чем он думал⁵⁹.

¹ Абзац выделен карандашной линией на левом поле.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто об этом.

ⁱⁱⁱ Слово ночью вставлено над строкой.

Недавно Соня мне написала, что Коля бросил свою хрестоматию и принялся готовить к экзамену. Я писала ему, советуя перейти от Герье к Васильевскому. Интересно, что он ответит.

15 апреля. Редко писать приходится, а это жалко: забываешь многое такое, что хотелось бы и стоило бы записать.

Третьего дня я получила тревожные известия из Москвы: Соня пишет, что у Зины довольно сильный плеврит; это меня очень беспокоит. Затем она пишет, что Соня-невестка беременна и ходит уже последние дни; а между тем Володя из Витебска переведен в Покров Влад[имирской] губ[ернии]. Он очень доволен этим переводом; но семья теперь в Москве, а сам он уехал в Покров, чтобы все приготовить к Сониному приезду: им хочется ко времени родов быть уже на месте, но я сомневаюсь, чтобы это им удалось. Соню (сестру) я усиленно зову к себе на все лето.

В две последние субботы Бубнов выдержал все магистерские экзамены и написал клаузуру: 6-го он держал из русск[ой] ист[ории] и полит[ической] экономии, а 13-го у Васильевского и Кареева и писал клаузуру⁶⁰. Оба раза он приезжал с С.Ф. к нам из университета обедать, и если бы я не знала, что он держал экзамен, я бы, по его возбужденному виду, поняла, что с ним случилось что-то необычное. Когда я его поздравила с окончанием экзаменов и спросила: «Вы, вероятно, очень счастливы?» – он ответил: «Не очень, а ужасно счастлив». Уходя, он очень благодарил С.Ф. за товарищеское отношение к нему: по его словам, С.Ф. в его жизни играл роль движущего начала (*principium movens*ⁱ): вывел его «в люди» из его тесного круга (то есть способствовал его приглашению на курсы) и содействовал скорейшему держанию экзаменов. По словам Бубнова, чтение лекций на курсах доставило ему много величайшего наслаждения.

Р.Я. Георгиевский⁶¹, профессор полит[ической] экономии, заявил в факультете, что магистранты-историки так плохо отвечают ему на экзамене полит[ической] экономии, что он считает нужным заставлять их слушать его лекции один семестр, прежде чем держать экзамен. Пока его предложение не прошло в Совете, все спешат держать экзамен⁶².

Интересно острит Бубнов над Холодняком: говорят, что его *belle-mère*ⁱⁱ приняла все *меры*, чтобы этого *бельмеса* провести на курсы. Холодняк несколько лет тому назад читал в лицее римские древности и на этом основании, по-видимому, рассчитывал получить на курсах лекции римской истории; по крайней мере, ничем другим нельзя объяснить его острого отношения к Бубнову, к[ото]рого пригласили читать римскую историю. Бестактность Холодняка не имеет пределов. Б[убно]в был у него ассистентом на I курсе. Х[олодня]к, при чтении авторов, постоянно задавал слушательницам вопросы по римской истории, что их очень возмущало и вызывало резкие ответы: «не знаю». Х[олодня]к, не сообразив, что это – I курс, к[ото]рому Б[убно]в не читал, спросил у него (кажется, даже при слушательницах): «Как, разве вы им этого не говорили?» На что Б[убно]в ответил: «Я им вообще ничего не говорил, п[отому] ч[то] в первый раз их вижу». Интересно, что Х[олодня]к

ⁱ Начало движения (*лат.*).

ⁱⁱ Теща (*фр.*).

непременно хочет быть на экзамене по¹ римской ист[ории] у II курса, хотя ассистентом назначен не он, а С.Ф.

В ночь с 10-го на 11 апреля в ресторане Палкина был ужасный случай: поссорились две компании ужинавших, причем некто Иогансон, ревельский купец, получив от кого-то удар по лицу и не разобрав, кто его ударил, выхватил из кармана револьвер, кинулся на стоявшего в стороне и не принимавшего участия в ссореⁱⁱ некоего Барашкевича; выстрелил в него три раза и убил его наповал. Все это произошло в присутствии хозяина ресторана и полиции. После покойного осталась жена (он женился только год тому назад) и на днях появившийся на свет ребенок.

Вчера в газетках появилось известие о трех смертях: вел[ико]го кн[язя] Николая Ник[олаевича], Мольтке и Шелгунова⁶³.

18 апреля. На похоронах Шелгунова было столкновение между полицией и учащейся молодежью, причем был побит пристав: полиция требовала, чтобы похоронная процессия шла по Воскрес[енскому] пр[оспекту] и Знаменской ул[ице] и чтобы венков не несли перед гробом, а молодежь настояла на своем, похороны следовали по Фуршт[атской] и Литейной и венки несли. В результате, говорят, исключено 24 студента и 4 курсистки⁶⁴. Очень все это грустно.

А Трачевский требует третейского суда между им и Кареевым. Со стороны Тр[ачевско]го будет Спасович, со стороны Кар[ее]ва – Арсеньев, а верховным судьей будет Влад[имир] Соловьев⁶⁵. Удивительный человек этот Кареев: куда ни появится, везде перессорится. Степанов недавно говорил Сергею Ф[едоровичу], что в редакции «Сев[ерного] вестника»⁶⁶ Кареевым уже тяготеются.

Кареев просил Радлова написать рецензию об «Историч[еском] обозрении». Р[адло]в и написал прелукавую рецензию, в к[ото]рой очень тонко вышутил Кареева с его философией⁶⁷.

Вчера в лицее Коркунов просил С.Ф. узнать у Середонина, согласится ли он поставить в лицее свою кандидатуру, с тем чтобы, в случае удачного исхода (другим кандидатом явится Мякотин, поддерживаемый Кареевым), взять, кроме лекций, все уроки. Так[им] обр[азом], за 15 часов в неделю С[ергей] Мих[айлович] может получить 2000 рублей. Он в восторге от этой перспективы⁶⁸.

Недавно С.Ф. получил письмо от Дьяконова, до к[ото]рого дошли слухи, что им, Д[ьяконов]м, недовольны в Петербурге за его якобы дружбу с немцами и что ему грозит перевод в другой университет, если не что-нибудь худшее. По-видимому, Д[ьяконо]в считает это делом рук Висковатова. Он очень просит С.Ф., не разглашая дела, узнать, насколько эти слухи справедливы. Себя он считает совершенно правым, так как не только не состоит в каких-либо особенно дружеских отношениях с немцами-профессорами, но даже ни с кем из них не знаком домами, кроме Брикнера, у к[ото]рого бывает по делу. На Д[ьяконо]ва вся эта история произвела самое тяжелое впечатление. Впрочем, он все-таки подумывает об ученой командировке в Москву с пособием в 600 рублей⁶⁹.

В понедельник 22-го, на второй день Пасхи, будет диспут Ернштеда.

Вчера получила от мамы из Москвы очень тревожное письмо⁷⁰: Зина больна, Сергиевский бывает каждый день, но не говорит, что у нее. Теперь

¹ Предлог по вставлен над строкой.

ⁱⁱ Слова и не принимавшего участия в ссоре вставлены над строкой.

ей лучше, так что она даже могла написать мне несколько строк. Мама подозревает, что у нее плеврит. Не корми я – я бы немедленно поехала в Москву.

Мартенс (профессор) болен: у него перикардит (кажется, так называется Боткинская болезнь)⁷¹ и ревматизм; его положение не безнадежно, но очень серьезно.

26 апреля. Зина, слава Богу, поправилась. На Фоминой⁷² жду к себе маму. Нынешняя Святая⁷³ проходит очень шумно, так что, случается, за целый день не выберешь ни одной свободной минуты.

Третейский суд по делу Кареева и Трачевского кончился в пользу Кар[еева]: Тр[ачевск]ий обвинен по всем пунктам и ему предложено, кажется, извиниться.

Иловайский напечатал в «Русск[ом] архиве» статью по поводу рецензии С.Ф. на его III том; в этой статье он с оскорбительным снисхождением к молодости и неопытности С.Ф. третирует его сверху вниз, упоминая даже о старой басне о том, кто кого начал учить (яйца курицу). В одном месте он говорит, между прочим: из-за несогласия во взглядах на Ивана Грозного порвалась даже одна 30-летняя ученая дружба. Любопытно, что эту фразу приняли на свой счет и Бестужев, и Бычков. Кроме того, Ил[овайск]ий в своей статье упоминает о той плохой школе, из к[ото]рой вышел С.Ф.⁷⁴

Диспут Ернштедта был 22-го: прошел он, говорят, хорошо, только Ерн[штедт] плохо произнес речь. Возражали: Никитин, к[ото]рый дал общую хвалебную оценку книги, и Зелинский, к[ото]рый возражал против частных⁷⁵. Вечером С.Ф. был у Ерн[штедта] и еще раз слышал, что когда Кулину, при его вступлении в должность директора курсов, был представлен список прежних преподавателей курсов, то по кафедре лат[инского] яз[ыка] был назван не Шебор⁷⁶, а Холодняк, то есть был совершен прямой подлог. И теперь, утвердившись на курсах, Холодняк хочет пригласить себе в помощники никому и ничем неизвестного преподавателя Орловского, вместо к[ото]рого Кедров называет Санчурского.

Болезнь Вас[ильевско]го

Коля и магист[ерский] экзамен

Иловайский и орден Станислава I ст[епени] (Коялович)

Сенигов и Кочетов (чтения о Петре В[еликом])

Полевой и Замысловский

Кулин и курсистки, исключенные министром после похорон Шелгунова

Экзамен Бубнова на курсах

Положение Дьяконова в Дерпте

Покушение на жизнь наследника⁷⁷

Лето 1891 года.

Мы провели его в 100 верстах от С[анкт-]П[етер]б[урга], в 5 верстах от станции Ник[олаевской] ж[елезной] д[ороги] Бабино. Переехали на дачу 14 мая, с дачи – 28 августа. 19 мая был диспут Бубнова; Вас[ильевск]ий говорил ему массу комплиментов (прочел акафист⁷⁸, по несколько ироническому выражению Бестужева), а Кареев пытался возражать ему, но был на всех пунктах отражен. Свои возражения он изложил в рецензии, помещенной в «Вестн[ике] Евр[опы]» (июнь)⁷⁹. Бубнов был признан доктором большинством всех голосов против одного (Кареева)⁸⁰. Вслед за этим в «Моск[овских] вед[омостях]»

появилась заметка, что Бубнов – еврей и что его докторство есть дело происков еврейской партии; говорят, Бубнов прислал в редакцию «Моск[овских] вед[омостей]», вместе с опровержением, свою метрику⁸¹. Теперь Бубнов в Киеве, где ему предложили кафедру всеобщей истории⁸².

20 мая умер Пав[ел] Дм[итриевич] Чечулин, умер в хирургической лечебнице от заражения крови, происшедшего вследствие порчи зубов и постоянных флюсов. Эта смерть страшно всех поразила. Другая ужасная смерть (в начале июня) жены Форстена: она была больна, муж ухаживал за ней, перемешал лекарства и дал ей внутрь большой прием какого-то очень ядовитого наружного средства. Спасти несчастную оказалось невозможно. Бедный Форстен почти помешался с горя. Затем 11 июля скоропостижно умерла Над[ежда] Павловна Укке (Субцова) от какого-то внутреннего кровоизлияния.

3 июня С.Ф. уехал в свое путешествие по Волге, из к[ото]рого вернулся 22 июня. Он доехал от Твери до Саратова, на обратном пути заезжал в Давыдовку к Пустошкиным и видел там Ефр[ема] Вас[ильевича] и Варю с мужем (Шестаковым). Затем он доехал до Нижнего, потом через Москву, где остановился на сутки, домой. Он до сих пор в восторге от своего путешествия: ему удалось осмотреть Углич, Кострому, Нижний, Казань, Самару, Саратов. Теперь он мечтает, чтобы мы всей семьей на будущее лето поехали в Давыдовку, но этот план мне не кажется удобоисполнимым.

За это лето у нас перебывало множество гостей¹.

13 сентября. Сегодня мы узнали из газет о смерти вел[икой] кн[язгини] Александры Георгиевны⁸³. Ужасно жаль ее: ведь ей только что минул 21 год. Говорят, будто всему причиной ее собственная неосторожность; будто она в Ильинском от скуки возилась с какой-то своей молоденькой фрейлиной и, играя, спрыгнула со стула – это на восьмом месяце беременности! В результате потребовалось сделать кесарево сечение; ребенок (сын Дмитрий) остался жив, а мать умерла.

Сегодня в университете между С.Ф., Горчаковым и Васильевским зашел разговор о диссертации и докторстве Бубнова, Вас[ильевск]ий очень разгорячился и сказал, что он гордится этим своим поступком, что и в другой раз он поступит точно также, что все эти толки и пересуды о том, что не следовало давать Бубнову прямо доктора, не имеют никакого основания.ⁱⁱ Но все-таки было бы лучше, если бы Васильевский собрался наконец напечатать свой отчет о книге Бубнова в «Журн[але] Мин[истерства] нар[одного] пр[освещения]», а то Кареев, кроме своей удивительной рецензии на книгу Бубнова, помещенной в июльской кн[иге] «Вестн[ика] Евр[опы]», собирается еще, кажется, что-то подобное же печатать в «Ист[орическом] обозрении»⁸⁴.

Все это время стоит прелестная погода; я много гуляю с детьми и отчасти поэтому редко пишу дневник.

30 сентября. 27-го у нас были Л[юдмила] Ф[еодоровна] и Саша Розинг; у них в доме теперь совсем свадебное настроение и суета. Свадьба будет в ноябре или в январе. Саша очень оживлена и весела.

¹ Далее оставлено два листа для записей.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто А в среду 11-го Степанов.

Недавно был здесь Дьяконов; он приезжал хлопотать о том, чтобы ему дали ученую командировку в Москву. Бычков, управляющий министерством за отсутствием Делянова, обещал ему это устроить. Приезд Дьяк[оно]ва совпал со смертью жены С[ергея] Ф[едоровича] Ольденбурга, которая умерла от злейшей чахотки⁸⁵. Предполагают, что болезнь в зачаточной форме могла быть у нее еще до рождения сына, к[ото]рый теперь в скарлатине⁸⁶. Когда он оправится, его тщательно исследуют с этой стороны. Ужасно жаль Ольденбурга. Интересно, что он через Дьяк[оно]ва и Лаппо-Дан[илевско]го благодарил С.Ф.-ча за внимание к его горю (С.Ф. был на выносе).

Анну П[етровну] доктора высылают немедленно из П[етер]бурга, так как у нее плохи верхушки легких.

Иногда, и довольно-таки часто, я очень жалею, что С.Ф. принял место помощника редактора в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]»: это стесняет нас летом, да к тому же у них в редакции ужасная неурядица, с которой С.Ф. не в силах бороться, и это его очень раздражает.

Мы собираемся посмотреть «Плоды просвещения»⁸⁷.

11 октября. Сегодня очень холодно; С.Ф. ездил на остров и очень прозяб. На курсах был интересный реферат Александровой (биография Котошихина); возражали Церетели и Скугаревская, к[ото]рую С.Ф. принял за польку. По словам С.Ф., умнее всех была референтка.

Незеленов сообщил С.Ф., будто вторая жена Шляпкина бросила его и живет теперь с родными. Как-то даже не хочется этому верить.

Вчера Надя Пуст[ошки]на уехала за границу до июля.

Преемник Коховского в Соляном Городке генерал Макаров удивительно странно держит себя с членами научного отдела: вызывает их к себе¹ для объяснений письмами, написанными его секретарем. С.Ф. был третьего дня в Соляном Городке, не застал Макарова и объяснил его секретарю, что вне научного отдела между им, С.Ф., и Макаровым могут быть только отношения равного к равному и что больше он, С.Ф., в Соляной Городок не явится, помимо заседаний научного отдела. Говорят, что профессор Коновалов (химик), получив подобное же приглашение от секретаря его превосходительства, пришел в такую ярость, что даже ничего ему не ответил и лекций в Сол[янном] Городке читать не будет.

Вчера была у меня С[офия] Ф[едоровна] Бом и сообщила, что М[ада]ме Борхсениус все нездорова; недавно ей вырвали зуб.

Вчера обедал у нас Чечулин и рассказывал, что некоторые из его родных и знакомых до сих пор в претензии на С.Ф. за его возражения Ник[олаю] Дм[итриевичу] на диспуте: им кажется, что эти возражения были чрезвычайно мелочны и придирчивы. Интересно, что сам Ник[олай] Дм[итриевич], в сущности, совершенно с этим согласен, но объясняет это тем, что ко всякой книге, как бы она хороша ни была, можно предъявить подобные возражения и что других возражений ему сделать было нельзя. Я как-то не могу себе представить, как может Чечулин считать мелким возражение об отсутствии темы в книге, о недостатке системы в работе⁸⁸.

¹ Слова к себе вставлены над строкой.

Недавно «люди известного возраста и положения» (выражение Майкова) чувствовали обедом Ягича; приглашали туда и Васильевского, к[ото]рый ответил, что он с удовольствием пошел бы, но не желает встречаться с Пыпиным, к[ото]рый считает себя оскорбленным рецензией Соболевского на его книгу «История русской этнографии»⁸⁹, помещенной прошлую зиму в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]»⁹⁰ (эта же статья так обидела А[лександра] Н[иколаевича] Веселовского, что он все это время не хотел помещать своих статей в «Журн[але] Мин[истерства народного просвещения]»). Сегодня С.Ф. узнал от Васильевского, что Пыпин также не был на обеде – потому что не желал встретиться с Васильевским!

7-го мы были на «Плодах просвещения» и много смеялись.

14 октября. В субботу вечером (12-го) мы были у Замысл[овски]х и узнали от них, что у Бестужевых весь дом болен influenza⁹¹; С.Ф. не советует мне туда ехать, боясь, как бы я не заразилась. Вчера был акт на курсах и диспут Крашенинникова в университете («Римские муниципальные жрецы и жрицы») ⁹¹. Я была днем с детьми у Людм[илы] Феод[оровны] и узнала, что Сашина свадьба будет после Рождества, так как ее жених получил теперь командировку в Севастополь.

Мы с С.Ф. часто говорим о том, что, собственно говоря, редакция «Журн[ала] Мин[истерства народного просвещения]» причиняет так много неприятностей С.Ф.-чу, благодаря властолюбию (кто бы мог этого ожидать!) и безалаберности Васильевского, беспорядочности Ернштедта и халатности Георгиевского, что С.Ф. частенько подумывает о том, не уйти ли ему из редакции, и останавливает его только одно: ему жаль Васильевского. И как удивительно, когда подумаешь, что такой прекрасный в нравственном отношении человек, как Вас[ильевск]ий, может быть самодуром, раз является возможность быть им. В журнале, например, он не слушает ничьих советов, действует совершенно по своему произволу, а так как он в высшей степени непрактичен и беспорядочен, то понятно, что из этого выходит. Например, он весь год каждый месяц передерживал на каждой книжке, несмотря на постоянные напоминания С.Ф., Д[митрия] И[вановича] Георгиевского и др. Теперь он испугался и стал экономить, но уже поздно. Майков, глядя на все это, только посмеивается⁹².

Сегодня в Учен[ом] ком[итете] С.Ф. читал краткий доклад о книге Шумигорского «Имп[ератрица] Мария Федоровна», к[ото]рую, как оказывается, автор желает посвятить государыне. Приготовляя, по поручению А[фанасия] Ф[едоровича] Бычкова, доклад к сегодняшнему заседанию, С.Ф. не знал о таком желании автора. Уч[еный] ком[итет] поручил С.Ф. написать об этой книге подробный доклад и для этого дожидаться появления в свет XII главы⁹³.

Сегодня днем я была у Борхсениус (не застала дома) и у Степановых.

27 окт[ября]. Вчера было факультетское заседание, в к[ото]ром Середонин блестяще выдержал экзамен у Кареева⁹⁴. Вечером С.Ф. был на именинах у Морева и видел там Степанова, к[ото]рый рассказал С.Ф.-чу кое-что любопытное о Вас[ильевск]ом: недавно Ст[епано]в был у него и Вас[ильевский] откровенно

¹ Инфлюэнца, грипп. Сходное написание и значение имеет в ряде языков – немецком, французском, английском.

говорил ему, что в этот приезд Гревса из-за границы он, Вас[ильевск]ий, видит, что Гревс стал гораздоⁱ ближе к Карееву, чем к нему, Вас[ильевско]му, и что это заставляет сильно призадуматься Вас[ильевско]го, передавать ли свою кафедру Гревсу, как это предполагалось раньше, или отдать предпочтение Бубнову, чтобы создать некоторый строго научный противовес публицистическому направлению Кареева и комп[ании], и это тем более, что ученые занятия Гревса идут очень медленно, да к тому же Вас[ильевск]ий думает, что, по свойству своего характера, Гревс едва ли будет добиваться кафедры и удовольствуется приват-доцентурой.

Вчера было заседание Археогр[афической] комиссии, в к[ото]ром Бычков заявил, что Замысловский возбудил вопрос об избрании С.Ф.-ча в члены Ком[иссии] и что он, Бычков, к этому присоединяется. Постановили отложить избрание до назначения нового председателя Ком[иссии] на место умершего Титова⁹⁵.

Замысловский плох. Вчера я была утром у Ламанских (с Ниночкой), вечером у Розинг.

Верочка моя что-то скучает; боюсь, не influenza ли у нее.

18-го было собрание историков у нас; Лаппо-Дан[илевск]ий не был и потом, при свидании с С.Ф., даже не считал нужным объяснить, почему он не был.

Сегодня мы с С.Ф. были на выставке лубочных картин; там много интересного⁹⁶.

2 ноября. Только что дочитала рассказ Астырева в «Русск[их] вед[омостях]» – «Лампада мерцает»⁹⁷ – очень грустное он производит впечатление: как-то невольно является в душе вопрос: как же нужно жить и что нужно делать, чтобы этого всего не было? Нужно быть добрее, человечнее, меньше придавать значения материальной стороне жизни, – но, может быть, мне легко так говорить, потому что теперь, слава Богу, мы не знаем нужды: кто знает, если бы нам теперь так же тяжело с денежной стороны жилось, как первые годы после свадьбы⁹⁸ – может быть, это бы и нас озлобило, испортило бы наши отношения хотя отчасти. Как-то не хочется этому верить, да и думать обо всем этом страшно.

На днях был у нас Степанов; разговор зашел о кружке Гревса и Ольденбурга⁹⁹, к к[ото]рому, несомненно, тесно примкнул и Лаппо-Данилевский. По мнению Ст[епано]ва, члены этого кружка до такой степени убеждены, что они – сосуд истины, добра и красоты, что на всех других людей смотрят свысока иⁱⁱ весьма легко и охотно критикуют их образ мыслей и их деятельность.ⁱⁱⁱ К нам, то есть к С.Ф.-чу и мне, они, очевидно, относятся отрицательно, может быть, даже считают нас людьми отсталыми, темными силами. С.Ф.-ча они, между прочим, упрекают в том, что он мало времени уделяет университету, но из чего они это видят? К лекциям С.Ф. всегда^{iv} готовится; всякий студент, интересующийся его предметом, встречает у него всегда радушный прием, получает советы, указания и книги. Семинарий по Котошихину идет очень оживленно¹⁰⁰. На курсах тоже самое: еще недавно курсистка Коляновская говорила мне, что ни по одному

ⁱ Слово гораздо вставлено над строкой.

ⁱⁱ Союз и вставлен над строкой.

ⁱⁱⁱ Далее зачеркнуто и прямо называют.

^{iv} Подчеркнуто карандашом.

предмету преподавание не идет так оживленно, как по русск[ой] истории, и редко что-нибудь доставляло мне большее удовольствие, чем этот отзыв. Что же в преподавании С.Ф-ча вызвало такой упрек со стороны того кружка? То, что кроме университета и курсов С.Ф. занят еще Уч[еным] комитетом¹⁰¹ и редакцией? Но разве может кто-нибудь сказать, что С.Ф. много берет на себя занятий из корыстолюбия, что мы живем роскошно? Все наши *ria desideria*¹ сводятся к тому, чтобы сводить концы с концами, не дрожа над каждой копеечкой, чтобы С.Ф. имел возможность постепенно пополнять свою библиотеку и чтобы мы могли позволить себе иногда, раза 4–5 в зиму, побывать в театре. Неужели же эти желания незаконны? Неужели за них мы заслуживаем осуждения? Может быть, лично я кажусь тому кружку женщиной, погрязшей в будничных интересах и не имеющей никаких общественных идеалов, потому что я не преподаю в школе, как это делает жена Гревса, к[ото]рая по идее не может жить без уроков? Но у нее один ребенок, а у меня их трое, а скоро будет и четверо¹⁰².

К Карееву, по мнению Ст[епано]ва, этот кружок относится отрицательно, но поддерживает с ним сношения, так как видит в нем полезное орудие для достижения своих целейⁱⁱ.

У жены Ст[епано]ва тиф.

Вчера мы с С.Ф. были у Бестужева; он собирается на курсы.

15 ноября, пятница. Все это время не удавалось писать дневник: моя Надя немножко прихворнула (глазные зубки) и в комнате Кл[еопатры] Ал[ександровны] переделывали печь; все это нарушило наш обычный порядок жизни; теперь и Надя здорова, и печь переделана, но все свободное время у меня уходит на переписывание указателя к изданию С.Ф.¹⁰³; это – работа не трудная, но спешная. Моя «Риторика» на время совсем отложена в сторону.

Бестужев был на курсах 5-го, а 7-го слушательницы III к[урса] (8 человек: Максимова, Церетели, Иолшина, Замятнина, Александрова, Птицына и др.) отдали ему визит; мы с С.Ф. также были там. Елиз[авета] Вас[ильевна] уже встала с постели. На курсах Бест[уже]ву устроили целую овацию, Максимова сказала ему приветственную речь; Б[естуже]в прослушал одну лекцию С.Ф-ча, на к[ото]рую собрались буквально все слушательницы обоих отделений, потолковал в профессорской с профессорами и уехал, очень всем довольный. На другой день Кулин был у министра и доложил ему обо всем этом, в том числе и о «прекрасной лекции С.Ф.» (так выразился Б[естуже]в, к[ото]рый вообще наговорил С.Ф-чу много лестного по поводу этой лекции).

Вчера (14-го) у Бестужева были слушательницы II к[урса]; по словам А.М. Платоновой, они совершенно очарованы Б[естуже]в[ым]. Кстати, эта Пл[атон]ова такая симпатичная особа, что С.Ф. хочет сделать ей визит.

6-го днем я поехала с Ниночкой и Верочкой поздравить Сашу Розинг; без меня у меня была Н[адежда] В[асильевна] Стасова, что меня очень тронуло; 11-го в понедельник я собралась к ней; она очень расспрашивала о курсах и о всем, что там происходит; многое ей, конечно, не нравится на нынешних курсах, имени Кулина она слышать не может, хотя и признает его хорошее

¹ Благие пожелания (*лат.*).

ⁱⁱ Подчеркнуто карандашом.

отношение к слушательницам – и все это так понятно в Над[ежде] Вас[ильевне], принадлежащей к числу *gois en exil*¹. Хороший она человек и жаль, что она в отставке, жаль, конечно, ради ее самой, а не ради курсов, где она, конечно, была не на месте в качестве начальницы¹⁰⁴.

Кстати, 7-го у Б[естуже]ва мне ужасно не понравилась бестактная выходка Б[естуже]ва против Стасовой: (ведь не я открыл курсы, а Над[ежда] Вас[ильевна] Стасова).

Как-то недавно была у нас Е[лена] Н[иколаевна] Замысловская (7-го, в четверг): их Коля умудрился получить 6 двоек в общем за первую четверть, после того как пробыл уже год в этом (III) классе в гимназии Мая¹⁰⁵. Теперь его решили перевести в корпус (I)¹⁰⁶ с января. Вот сокровище этот Кока!

В воскресенье 10-го мы смотрели «Ваала» в Александринском театре¹⁰⁷. Пьеса хороша, но устарела; играли хорошо.

8-го я была с Ниночкой днем у Борхсениус; Е[катерина] И[ринеевна] все хворает и возится с зубами; впрочем, напечатала в «Жив[описном] обозрении» свой роман «Сила солону ломит»¹⁰⁸; нужно бы его прочесть.

Сегодня Кулин и Платонова сообщили С.Ф.-чу, что II курс не выносит Степанова как преподавателя¹⁰⁹, а I к[урс] (греческая история) его любит. С.Ф. говорит, что даже и это превосходит его ожидания.

Сегодня С.Ф. в заседании Общ[ества] люб[ителей] др[евней] письм[енности]¹¹⁰, к[ото]рое избрало его и Вас[илия] Гр[игорьевича] Дружинина одновременно в члены-корреспонденты¹¹¹.

13-го, в среду, было заседание Истор[ического] общества, где Вейнберг читал об отношении Шиллера к истории в «Марии Стюарт», а Гримм¹¹²ⁱⁱ

Мы там не были, что мне очень жаль.

В воскресенье 17-го диспут Гилярова (о Платоне); оппоненты – Введенский и Ернштедт¹¹³.

Мы с С.Ф. часто говорим о его положении в редакции «Журн[ала] Мин[истерства] народного просвещения», к[ото]рым он вообще недоволен; еще вчера он сказал, что только бы ему получить ординатуру – и он немедленно ушел бы из редакции¹¹⁴: ему не нравится самодержавие Вас[ильевско]го, обилие черновой работы, выпадающей на его долю, а главное, не нравится семья Вас[ильевско]го, ее поведение.

25-го ноября, в понедельник, С.Ф. прочтет две первые лекции в Соляном Городке на тему «Русское общество перед реформой Петра Великого». Всех лекций будет шесть¹¹⁵.

Недавно Васильевский передал С.Ф.-чу, что ему сообщили, как слух, будто С.Ф. назначается помощником попечителя в один из провинци[альных] городов. Оказалось, что слух этот пошел из лицея, где его кто-то выдумал для объяснения ухода С.Ф.-ча оттуда.

22 ноября. Жизнь несется таким вихрем, что я, по целым неделям, положительно не нахожу свободной минуты, чтобы сесть за дневник.

Заседание Общ[ества] люб[ителей] др[евней] письм[енности] в прошлую пятницу было какое-то шутовское: начать с того, что, без ведома членов Общ[ества], во главе Общ[ества] образовался комитет из трех лиц (гр[афа]

¹ Короли в изгнании (*фр.*).

ⁱⁱ Далее оставлена строка для записей.

Шереметева, И[вана] А[фанасьевича] Бычкова и П[авла] И[вановича] Савванитоваⁱ), к[ото]рый теперь фактически заведует делами Общ[ества], избирает его членов и т.д. В заседании председательствовал граф – и как-то шутовски; доклады (Кобеко и Шляпкина) не представляли никакого интереса и отличались краткостьюⁱⁱ. Вообще, С.Ф. и Др[ужини]н думают, что его заседаний посещать не стоитⁱⁱⁱ.

В субботу (16-го) вечером мы были у Ламанских.

В воскресенье (17-го) был диспут Гилярова, москвича, ныне^{iv} занимающего кафедру Козлова в Киеве¹⁷. Диссертация его о Платоне. Сегодня Соболевский, приятель Гил[яро]ва, рассказывал С.Ф-чу, что на его магистерском диспуте в Москве было какое-то столкновение между ним (Г[иляровы]м) и Гротом¹¹⁸, к[ото]рый до диспута писал ему очень сочувственные письма, а на диспуте очень дурно отнесся к нему: Г[иляро]в, по словам Соболевского, в ответ на высокомерное résumé Грота сказал ему: «Письма – документ, вы, как философ, конечно, не можете говорить и писать разное; когда же вы были искренни и как назвать ваши поступки?» – По поводу этого столкновения^v в Москве многие были очень недовольны Гил[яровы]м. Всем этим и объясняется, почему докторский диспут Г[иляро]ва состоялся здесь, а не в Москве.

Офиц[иальными] оппонентами были Введенский и Ернштедт. Первый удивительно держал себя: вообще он довольно благосклонно относился к диспутанту, но выражался удивительно вульгарно и резко (был^{vi} в подштаниках, как выразился вечером у Вас[ильевско]го Ламанский), напр[имер]: «Вы не пропускаете ни одного удобного случая, чтобы дать Аристотелю шелчок по носу» или: «Вообще вы стараетесь постоянно доказать, что Аристотель был свинья порядочная», на что Гил[яро]в, человек с очень мягкими и симпатичными манерами, с улыбочкой отвечал: «Если он у меня выходит свиной, значит, он таким и был». Довольно странно было слышать подобные фразы на философском диспуте.

Ернштедт возражал, главным образом, против главы о достоверности диалогов Платона, указал ее слабые стороны и заключил свои возражения словами, что, не решив для себя вопроса о степени достоверности того или другого диалога, нельзя было писать и книги о Платоне. Затем попросил слово Кареев, к[ото]рый, придравшись к словам Ернштедта, стал говорить о том, возможно ли было действительно писать книгу о Платоне, пока окончательно в науке не решен вопрос о^{vii} принадлежности или непринадлежности того или другого диалога Платону, и не следует ли факультету удалиться и еще раз потолковать о том, давать или не давать докторскую степень диспутанту. Против этого решительно высказались Вас[ильевск]ий и Помяловский, а Введенский принял, что слова Кареева направлены против него, против его оценки книги Г[иляров]а, и резко и с раздражением заговорил, что об этом нужно было говорить в факультете, что он в своем отчете не скрыл слабых сторон книги, а, напротив, с ударением говорил о слабой II главе (против к[ото]рой возражал

ⁱ Дм.Ф. Кобеко исправлен на П.И. Савванитова.

ⁱⁱ Подчеркнуто карандашом.

ⁱⁱⁱ Весь абзац выделен карандашной чертой на левом поле.

^{iv} Далее зачеркнуто получившего.

^v Далее зачеркнуто было.

^{vi} Далее зачеркнуто без.

^{vii} Напротив текста вставлена заметка на левом поле Кулин о Введ[енском], Леонт[ьева] об Ольд[енбурге].

Ернштедт), рассчитывая, что те, кто его слушает, способны что-нибудь понимать;ⁱ что вопрос о подлинности диалогов Платона не решен и «черт его знает, когда он будет решен», и что, если рассуждать так, как Кареев, то ни о Платоне, ни об Аристотеле нельзя написать ни одной строки и вообще всю древнюю философию придется вычеркнуть (это прибавил Соболевский); говоря это, Введенский сильно хлопнул об стол своею тетрадь. В воздухе запахло скандалом. Соболевский попросил Пом[яловско]го от своего имени и имени С.Ф. прекратить эти не идущие к делу разговоры. Тут начал возражать Вознесенский; что он говорил, я думаю, никто не слушал, но за это время Кареев и Введенский успели столкнуться, так что К[ареев] громко заявил, что слова его вовсе не были направлены против Введенского, а что он только желал знать, будет ли Г[илиро]в признан доктором единогласно, или большинством голосов.

Затем П[омяловск]ий решительно прекратил все эти разговоры и Гиляров был признан доктором; студенты устроили ему целую овацию¹¹⁹. Во всем этом инциденте меня поразило единодушие факультета против Кареева, к[ото]рый, тем не менее, отправил в «Русские вед[омости]» телеграмму о диспуте с упоминанием о своем подвиге¹²⁰.

На другой день (18-го) Пом[яловск]ий, встретив С.Ф-ча в Уч[еном] комитете, уверял его, что всю эту штуку этот прохвост и прощельга (то есть Кареев) проделал только для того, чтобы попасть в газеты. Лично я вовсе не разделяю этого взгляда на Кареева: по-моему, во всех этих столкновениях с целым факультетом и с отдельными его членами он убежден, что на его стороне правда, что он за нее сражается против нечестивых и неправедных. Меня только удивляет его тупость и бестактность.

Вчера Соболевский говорил С.Ф-чу, что если только в «Ист[орическом] обозрении» появится отчет о диспуте Г[илиро]ваⁱⁱ в духе Кареева¹²¹, он, С[оболевск]ий, напишет протест, и С.Ф. хочет присоединиться к этому протесту. Вообще раздражение факультета против Кареева достигло крайних пределов.

В четверг (21-го) была у меня Леонтьева и рассказывала, что, насколько ей приходилось слышать, ни у кого из профессоров на курсах нет столько поклонниц, сколько у С.Ф., особенно на II к[урсе], к[ото]рого С.Ф. не любит. Кстати, Б[убно]в, по просьбе курсисток, переданной ему через С.Ф., назначил у себя приемным вечером для курсисток вечер четверга. После III к[урса] был у него II к[урс] и остался от него в восторге, но в последний четверг к нему явился I к[урс] и неудачно: Б[убно]в был не в духе и совсем не разговаривал с курсистками; были и посторонние (Аверкиев и Белов); барышни ушли совершенно разочарованные.

Леонтьева передавала, будто жена Ольденбурга, следуя, как и ее муж, учению Толстого¹²², извела себя массой черной работы, так как не хотела брать прислуги, все делала сама и еще давала уроки в Технической школе. Говорят, что муж ее, видя, как это ее утомляет, хотел отступить от учения Толстого, но она на это не согласилась.

ⁱ Далее зачеркнуто При это.

ⁱⁱ Фамилия Г[илиро]ва вставлена над строкой.

На днях Кулин спрашивал С.Ф-ча, близок ли он с Введенским: ему хотелось бы частным образом дать понять Вв[еденско]му, что его роман с Пушкиревой получил уже слишком большую огласку.

29 ноября. История с диспутом Гилярова продолжается: Г[иляро]в был у министра, к[ото]рый ему сказал, что он очень рад, что ему пришлось самому присутствовать при скандале, устроенном Кареевым, а не от других слышать о нем. Затем министр вызывал к себе Вв[еденско]го и сделал ему ласковый выговор за его поведение на диспуте. Гил[яро]в обратился к Помяловскому с письмом, в к[ото]ром просил его официально опровергнуть телеграмму в «Русск[их] вед[омостях]» о его диспуте как оскорбительную для него, Г[иляров]а. П[омяловск]ий составил текст опровержения и прочел его в факультете Карееву, к[ото]рый заявил, что телеграммы «Русск[их] вед[омостей]» он не знает (ему ее тотчас же показали) и что с редакцией опровержения он согласен¹²³. Неужели он лгал относительно «Русск[их] вед[омостей]»? Ведь до сих пор все телеграммы о здешних диспутах посылались в «Русск[ие] вед[омости]» им.

По поводу всего этого скандала субинспектор говорил С.Ф-чу, что студенты терпеть не могут Кареева, так как раскусили его и поняли, что он человек крайне самолюбивый и всем жертвует для приобретения большей популярности. Сегодня у С.Ф. вышло с Кареевым объяснение: Кареев спросил С.Ф-ча, может ли он поместить имя¹ С.Ф-ча в числе сотрудников Энциклопед[ического] словаряⁱⁱ. С.Ф-ч отказался от всякого участия в этом издании¹²⁴.

В воскресенье (24-го) был диспут Батюшкова. Веселовский возражал чрезвычайно резко и совсем втоптал в грязь Бат[юшко]ва. По мнению Степанова, Вес[еловск]ий окончательно подорвал ученую репутацию Б[атюшко]ва¹²⁵. Последний, говорят, так этим потрясен, что хочет совсем покинуть университет и науку, чему очень сочувствует его семья, полагающая, что он позорит свою фамилию, занимаясь преподаванием. Вчера С.Ф. был у Майкова и видел там Ал[ексея] Леонид[овича] Петрова, приятеля Батюшкова.

А Степанов на курсах решительно не имеет успеха; об этом все говорят. Ефр[ем] Вас[ильевич] и Давыдовкаⁱⁱⁱ

16 декабря. В субботу 14-го было годовое заседание Истор[ического] общества. Народу немного. Смешная баллотировка в члены комитета; кандидаты Л[ап]п[о-]Данилевский, Середонин, Мякотин и Форстен. Выбрали первого, а из трех остальных так никого и не могли выбрать¹²⁶. Реферат Л[ап]п[о-]Данилевского о делении истории на периоды: каменный, медный, бронзовый и т.д. Реферат интересен, но многое в нем слишком шатко и гадательно. Меншуткин заметил, что главный недостаток реферата – полное незнание автора с химическими законами¹²⁷.

29 декабря. В этом году Рождество какое-то удачное: все приготовления мне удалось сделать вовремя, так что хлопоты меня не утомили. 24-го вечером я возила Ниночку и Верочку на елку к Степановым, а 25-го была елка у нас.

¹ Слово имя вставлено над строкой.

ⁱⁱ От слов Кареев спросил до Словаря выделено карандашом на правом поле.

ⁱⁱⁱ На следующей строке зачеркнуто 7 декабря.

У Ст[епановы]х дети смутились, а у нас все это вышло очень хорошо: дети танцевали и много веселились. Вечером собралось довольно много народу, были 4 курсистки (Максимова, Александрова, Замятнина и Иолшина), к[ото]рых с большим интересом рассматривала Саша Розинг. На другой день она, со слов Нефедовой, говорила мне, что кружок Максимовой крайне несимпатичен, что все они, кроме Алекс[андровой], выскочки, что курс их терпеть не может, что они много зубрят и т.д. Я была очень возмущена всеми этими рассказами.

Третьего дня (27-го) Кл[еопатра] Ал[ександровна] уехала в Москву. В этот же день к нам явился Спицын из Вятки: стараниями Дружинина Археологическая комиссия устраивает его здесь¹²⁸. Спицын очень симпатичен и своеобразен.

Вчера был у нас Цветковский и сообщил интересные подробности по поводу диспута Гилярова: оказывается, что телеграмма о диспуте была послана в «Русск[ие] вед[омости]» не Кареевым, а лицом, ему совершенно посторонним. Затем Гиляров, возвратясь в Киев, где он пользуется большою популярностью, первую лекцию посвятил рассказу о своем диспуте, к[ото]рый, в его изображении, получил вид полного триумфа для него: здешний факультет будто бы в его диссертации нашел для себя целое откровение и преклонился перед его ученостью и талантом. Выходка Кареева была выставлена как недостойное хрюканье из оврага¹²⁹. Вот нахальство и самохвальство! Теперь мне в этом деле жаль Кареева, к[ото]рый, по мнению Цветк[овско]го, сыграл роль Дон Кихота¹³⁰.

Недавно у нас была М.П. Чечулина; она произвела на меня очень странное впечатление: несомненно, она умна, но положительно ненормальна. Она носит костюм сестры милосердия Красного Креста¹³¹.

2-го сюда должен приехать Милуков.

5-го будет в Соляном Городке лекция А[натолия] Ф[едоровича] Кони в пользу голодающих о докторе Гаазе¹³². Я хочу убедить С.Ф. поехать послушать его.

Сегодня С.Ф. и Спицын в Археол[огическом] обществе¹³³. Вчера вечером мы были у Ламанских.